

Глава 18

Вернувшись домой, Чжэн Шаньцы застал Юй Ланьи уже пробудившимся после полуденного сна. Поставив на стол кувшин с супом из бобов мунг, он негромко произнёс:

— Купил по дороге. Он ещё тёплый, выпей — в такую жару самое то, чтобы немного охладиться.

Юй Ланьи лениво вскинул веки, ничего не ответив. Он зачерпнул угощение деревянной ложкой: вкус был самым обыкновенным, но суп пришёлся как нельзя кстати — в комнате и впрямь становилось душно.

После сна в теле всё ещё чувствовалась истома. Ланьи, прикрыв рот ладонью, изящно зевнул, сонный и расслабленный.

— Ты знаком с гэ'эр Анем из поместья хоу Аньсиня? — спросил Шаньцы, присаживаясь рядом.

Ленивая нега юноши мгновенно испарилась.

«С чего бы это Шаньцы спрашивать об Ане? — промелькнуло у него в голове. — У них ведь не было ничего общего, как он вообще о нём вспомнил?»

— Разумеется, знаком, — Юй Ланьи смерил мужа недоверчивым взглядом. — А тебе-то он зачем?

— Когда я возвращался, то случайно подслушал один разговор. Кое-кто решил выслужиться перед знатным домом и задумал лишить гэ'эр Аня чести. Я решил рассказать тебе об этом, чтобы ты передал ему весточку. Нельзя позволить такому ничтожеству добиться своего.

Шаньцы без утайки изложил суть дела.

Пальцы Ланьи, покоившиеся на подлокотнике кресла, внезапно сжались. Он холодно усмехнулся:

— Чего только люди не придумают, совесть совсем потеряли. Посмели замахнуться на сына хоу... Поместье Аньсинь строго охраняется, Ань всегда выходит в сопровождении слуг, но даже это их не останавливает. К тому же у него уже есть жених.

Он опустил голову, и выражение его лица стало трудноразличимым. Ланьи невольно вспомнил, что именно при похожих обстоятельствах он оказался связан с Шаньцы. Но если подумать, тот его не подставлял — служанка сама привела Чжэн Шаньцы в комнату, и всё случилось по воле рока.

«В ином случае я ни за что не подпустил бы его к себе».

— Я понял. Пошлю человека предупредить его, — Ланьни поднялся, ушёл в спальню и, быстро набросав письмо, вручил его Цзинь Юню.

Цзинь Юнь был его личным помощником, они выросли вместе, и гэ'эр Ань сразу поймёт: раз пришёл доверенный человек, значит, дело серьёзное.

— Ступай, доставь немедленно.

— Слушаюсь, молодой господин.

Едва помощник ушёл, Чжэн Шаньцы вернулся из галереи в комнату.

Увидев, что супруг уже встал, он вежливо кивнул и принялся снимать верхнее одеяние. Раз Ланьни выпался, пришёл его черёд — чиновник не сомкнул глаз ночью и теперь мечтал завладеть просторным ложем.

Вчера во время сна он чувствовал себя словно дохлая рыба — не смел и шелохнуться. А теперь, стоило только лечь, он готов был превратиться в ленивого вяленого карася.

— Я немного вздремну, — пояснил Шаньцы.

Юй Ланьни почему-то продолжал стоять у самого порога, преграждая путь. Шаньцы, оказавшись у двери, плотно захлопнул её перед самым его носом.

Шагнув к постели, он с наслаждением опустился на мягкие простыни и издал тяжёлый вздох. Напряжение наконец отступило. Кровать всё ещё хранила остатки тонкого аромата, исходившего от Ланьни. Шаньцы неловко перевернулся — казалось, само пространство вокруг него было пропитано чужим присутствием.

Он закрыл глаза.

Гэ'эр Ань вышивал платок. Его жених, наследник Чжан, увидев у кого-то из друзей подарок от возлюбленной, тут же выпросил такой же у Аня. Мог ли тот отказать?

Но вышивание нагоняло тоску.

«С какой стати я должен тратить время на этого человека? Только ради союза семей да

ожиданий отца...»

— Молодой господин, Юй-шаое прислал письмо. Его доставил Цзинь Юнь.

Ань отложил иголку и принялся за чтение. Закончив, он лишь хмыкнул. Если какой-то подлец и впрямь решит к нему подступиться, он велит крепким слугам переломать мерзавцу ноги. Позарился на богатство и знатность? Что ж, пусть остаток жизни проведёт калекой, не смея поднять головы.

— Подойди, я должен кое-что тебе поручить, — Ань подозвал своего слугу и прошептал ему несколько наставлений. — Ты всё понял?

— Да, господин. Я всё исполню.

Ничтожеств нужно проучить так, чтобы другим неповадно было.

А должок перед Юй Ланьи он запомнит.

Чжэн Шаньцы проспал около часа, после чего встал и снова взялся за книги. Его интересовало устройство Великой Янь: рельеф, горы, реки, а также нравы и обычаи её жителей. Империя была огромной и процветающей, дороги связывали все провинции, даже варвары из дальних земель прибывали к двору с посольствами. Политическая обстановка казалась стабильной.

Однако существовало пророчество, что династия Янь падёт из-за вражды между братьями. У императора Умина было два супруга-фэнцзюня. Первый — сын мелкого чиновника, с которым государь встретился в буддийском храме. Пылкий и открытый юноша покорило сердце монарха, и тот, будучи ещё принцем, вымолил у отца-императора разрешение на брак.

Они жили в любви и согласии, император даже не помышлял о других наложницах, пока фэнцзюнь не умер в муках во время тяжёлых родов.

Чтобы за новорождённым младенцем было кому присматривать, император взял в супруги младшего брата покойного, ставшего новым фэнцзюнем. Тот тоже подарил ему сына. Оба принца считались законнорождёнными. Пока они были малы, во дворце царил мир, но кто знает, что случится, когда они повзрослеют?

Впрочем, Шаньцы считал, что это его не касается. Его заботой было лишь собственное скромное поприще.

Он погрузился в чтение, а вечером разделил трапезу с Ланьи. Жизнь в доме влиятельного

чиновника и богатого наследника имела свои плюсы: на ужин Шаньцы даже перепало сладкого супа. И в свежих фруктах недостатка не было.

Вечером они вышли в сад насладиться прохладой. Здесь за его спиной могли шептаться, но в лицо никто не смел сказать и слова.

Жизнь была на редкость приятной.

Шаньцы даже испытал некое подобие облегчения от того, что Юй Ланьши ещё не окончательно погряз в праздности. Для того любые траты были пустяком, золотой пылью, что не укладывалось в голове человека с месячным жалованьем в семь лан серебра.

Вечером каждый занимался своим делом, а затем они вполне мирно улеглись в постель. Между ними оставалась широкая полоса пустого пространства. Ланьши демонстративно повернулся к мужу спиной, и Шаньцы, не желая уступать, сделал то же самое.

Каждый укрылся своим краем одеяла.

— Чжэн Шаньцы, ты запомнил всех родственников, о которых я говорил? — слышался в тишине шёпот Ланьши.

Тот кивнул в темноту:

— Запомнил. Я не заставлю тебя краснеть.

Он понимал, что супруг больше всего дорожит своим лицом. Раз уж они связаны узами брака, им придётся ладить, чтобы жизнь не превратилась в фарс. Нужно просто проявлять немного понимания.

Размышляя об этом, мужчина пришёл к выводу, что он — вполне достойный муж.

Шаньцы не собирался стеснять Ланьши. Если тот когда-нибудь встретит настоящую любовь, он без колебаний отпустит его.

Ланьши очень хотелось обернуться и посмотреть на выражение лица мужа, но он сдержался.

«Это он первым отвернулся, так почему я должен уступать? — думал юноша. — Разве это не будет признанием поражения?»

«Какая свадьба обходится без брачной ночи? И пусть я сам настоял на этом, но то, что Чжэн Шаньцы всё равно смотрит на меня так бесстрастно, заставляет чувствовать себя

проигравшим».

В душе Юй Ланьи начал копиться обиду.

Он ведь был не только знатен, но и одарён редкостной красотой, а муж вёл себя как неотёсанный чурбан.

Шаньцы, не подозревая о душевных метаниях супруга, быстро заснул. Поскольку днём он успел вздремнуть, проснулся он довольно рано.

Едва забрезжил рассвет. Спать дальше не хотелось, а вставать было вроде бы преждевременно. Он перевернулся на спину и заметил, что одеяло сползло с плеч Ланьи. Приподнявшись, мужчина осторожно поправил его.

Во сне лицо Ланьи порозовело, а на щеках виднелся едва заметный пушок. Он спал безмятежно, свернув пальцы наподушке. Шаньцы невольно засмотрелся на него, когда юноша вдруг перевернулся, оказавшись лицом к нему.

Похоже, он совсем не опасался мужа, раз так крепко и сладко спал.

Шаньцы бесшумно поднялся. Цзинь Юнь, услышав движение, хотел было помочь ему с умыванием, но тот покачал головой.

— Не нужно. Я сам. Пусть он ещё немного поспит.

Стараясь не шуметь, чиновник двигался на удивление бережно и осторожно, и в каждом его жесте сквозила невольная нежность.

Цзинь Юнь ошеломлённо смотрел ему вслед. Осознав, что пялится на господина слишком долго, он поспешно опустил голову. Похоже, господин Чжэн и впрямь дорожил их молодым господином.

В середине седьмого месяца настал день ответного визита — «возвращения в третий день». Утренняя роса ещё дрожала на листьях, а на ветвях уже распевали сороки. В поместье хоу Чаняна привратник давно замер в ожидании, вглядываясь в даль улицы. Увидев знакомый экипаж и кучера, он так и просиял.

— Скорее бегите к господину хоу и фулану! Наш молодой господин со зятем вернулись!

Другой слуга со всех ног бросился в гостиную:

— Господин хоу, фулан! Приехали!

Улыбка на лице фулана Юя стала ещё шире:

— Наконец-то! С тех пор как Ланьи уехал, я места себе не находил. Раньше ворчал, что он озорник и жизни не знает, всё боялся, что его кто-нибудь обидит... А теперь, когда он в чужом доме, в душе пустота, словно он и мою душу с собой забрал.

Тут фулан Юй невольно загрустил:

— Знай я заранее, уговорил бы мужа подыскать Шаньцы место в столице. Как Ланьи вынесет жизнь в той глуши? Как подумаю об этом — дыхание перехватывает.

— Полно тебе, — Почтенная госпожа, супруга гуна Инго, строго взглянула на зятя. — Сегодня праздник, а ты всё о грустном. Что подумает муж Ланьи, если услышит такое? Если хочешь — поворчи сыну, но при зяте держись.

— Я понимаю, матушка, — фулан Юй ничуть не обиделся и с улыбкой кивнул.

— Матушка, он всё понимает, просто соскучился по сыну, — поспешил заступиться за любимого супруга маркиз Чанян.

— Ох и избаловал ты его, — проворчала старушка, но взгляд её заметно смягчился. — Ланьи теперь отрезанный ломоть, у тебя в поместье ещё третий молодой господин есть, о нём больше заботься, чтобы по этому поводу слухи не пошли и репутация твоя не пострадала.

Улыбка на лице фулана Юя померкла. Он сухо ответил:

— Я понимаю. Чансин и Ланьи — плоть от плоти моей, и я только и пекусь о том, чтобы им жилось хорошо. Остальное меня мало заботит.

Почтенная госпожа лишь сочувственно похлопала его по руке.

Маркиз Чанян тяжело вздохнул.

Экипаж остановился у ворот поместья маркиза. Каждый раз, видя это великолепие, Чжэн Шаньцы чувствовал себя словно простолюдин, впервые попавший в сказочный дворец.

— Молодой господин, господин зять, прошу вас.

Этим утром Юй Ланьши нарядился с особым тщанием. Увидев, что муж уже умылся и спокойно читает книгу, он искоса взглянул на него и, решив, что тот — человек неглупый, спросил:

— Как тебе этот наряд?

Шаньцзы поднял голову и искренне похвалил:

— Красиво.

Ланьши вошёл в азарт и переоделся ещё пять раз. На каждое новое одеяние Чжэн Шаньцзы неизменно отвечал похвалой.

Наконец Ланьши недовольно надулся, явно ожидая более пространных восторгов.

Шаньцзы улыбнулся:

— Ты так хорош собой, что тебе любая одежда к лицу.

От этих слов сердце Юй Ланьши вдруг пропустило удар. Скрывая внезапное смятение за напускной холодностью, он поспешно оделся и вышел, чтобы сесть в экипаж.

Когда пришло время выходить, Шаньцзы сошёл первым и подал ему руку.

Ланьши откинул занавеску и встретился взглядом с мужем.

<http://bllate.org/book/15809/1427976>